

ча за сб. 1907–09 присудила Д. денежную премию им. М. Н. Ахматова, а в 1915 удостоила почетным отзвом им. А. С. Пушкина за сб. **«Песни старого пахаря. 1906–1912»** (1913).

Среди ближайших друзей Д. были И. А. Белоусов, М. Л. Леонов, А. А. Коринфский.

В советское время Д. продолжал печататься и, несмотря на преклонный возраст, участвовал в общественной работе, избирался членом волостного исполкома. Добился в 1919 открытия в Низовке школы и народной библиотеки (названы его именем), в основу которой легло книжное собрание поэта.

В 1923 в Москве и Твери торжественно праздновались 50-летие лит. деятельности и 75-летие со дня рождения Д.; изданы юбилейные сб. **«Песни пахаря»** (М.; Пг.; предисл. И. И. Морозова), **«Избранные стихотворения»** (Тверь), **«Поэт-крестьянин С. Д. Дрожжин. Его жизнь и песни»** (М.; Л.; под ред. и с биогр. очерком И. А. Белоусова). Тогда же избран почетным членом Всероссийского союза поэтов.

В 1938 в пос. Завидово, куда была перенесена могила Д., открыт музей его имени.

Соч.: Стихотворения. М., 1949. (Б-ка поэта. М. серия); Песни гражданина / вступ. статья, подгот. текстов и прим. Л. А. Ильина. М., 1974; Стихи. И. З. Суриков и поэты-суриковцы / подгот. текстов Е. С. Калмановского. М.; Л., 1966. (Б-ка поэта. Б. серия).

Лит.: Котляревский Н. И. З. Суриков и Дрожжин // Детский отдых. 1904. № 5; Ильин Л. Дом-музей Дрожжина // Музеи Верхневолжья: путеводитель. М., 1982; Скатов Н. Некрасов. Современники и продолжатели. М., 1986. С. 41–48; Иванова Л. Н. Архив Дрожжина // Лит. архив. Материалы по истории русской лит-ры и общественной мысли. СПб., 1994. С. 67–93.

Л. Н. Иванова

ДРОЗДОВ Александр Михайлович [24.10 (5.11).1895, Рязань — 6.11.1963, Москва] — прозаик.

Д. родился в семье инспектора народных училищ. Детство и юность провел в Ярославле, рано пристрастился к сочинительству. Печататься Д. начал еще будучи гимназистом. В «Ярославских новостях» 26 янв. 1912 было опубликовано первое стих. Д. **«Я боролся давно...»**, а 19 февр. того же года — сценка с натуры **«В вагоне»**. В 1914 Д. переехал в Петербург и 2 года был студентом историко-филол. и юридического ф-тов Петербургского ун-та; затем был призван в армию, попал в артиллерийское училище, но вскоре по болезни от службы был освобожден.

С 1915 началась серьезная лит. деятельность Д. Он публиковал стихи и рассказы в ж. «Вестник Европы», «Лукоморье», «Совр. мир», «Нива», был секретарем ред. «Нового журнала для всех». Революцию Д. не принял и бежал сначала в Киев, а затем по обычному для эмигрантов маршруту — Одесса, Крым, Ростов, Новороссийск, Константинополь, Париж, Берлин.

Все это время Д. везде, где был, много писал, публиковался в газетах, а в Одессе успел выпустить свою первую книгу из пяти рассказов **«Пощечина»**.

В Берлине Д. попытался организовать собравшуюся там русскую эмиграцию. «Война и революция застали писателей врасплох, разметали и раскидали по далеким границам, — писал Д. в статье **«Писатели за рубежом»**. — Нужно вызвать к жизни литературный комитет в одном из центров Европы, наладить выход периодических или непериодических изд., открыть кооперативное изд-во, кассу взаимопомощи» (Жизнь. Берлин. 1920. № 8). Не ограничиваясь призывом, сам Д. подготовил лит. альм. «Огни», организовал и возглавил ж. «Сполохи».

Сразу по приезде в Берлин Д. выпустил книгу **«Счастье в заплатах»** (1921), названную так по рассказу, опубликованному им еще в 1920 в вышедшем в Екатеринодаре коллективном сб. «Накануне». Др. рассказы из книги «Счастье в заплатах» также частично были ранее напечатаны в русских журналах, частично написаны уже в Берлине. В них рассказывалось преимущественно о женщинах в обстановке мирной жизни, в революционной, о жизни беженцев. В том же 1921 была опубликована статья Д. **«Интеллигенция на Дону»**, вышел сб. его рассказов **«Подарок Богу»**, роман **«Чертополох»** и повесть **«Распятие»**, написанная еще в Крыму при большевиках, в которой Д. попытался отразить жизнь одного из временных большевистских правительств и гибель его.

А. С. Яценко, основатель и редактор ж. «Русская книга», высоко оценил творчество Д.: «Жизнь, нашедшая изображение в рассказах Дроздова, не та, что любят изображать „старички“, уходящие мечтой от наших проклятых дней в недавнее прошлое, когда они были — сравнительно — так счастливы... Как чутко чувствует он вечную, нестареющую красоту природы, идиллию деревни и сладость тихого счастья вдвоем, какая глубокая жажда нежности, любви, чистой ласки таятся в его мягком сердце. А вместо этого судьба бросила его среди чудовищ и зверей» (Русская книга. 1921. № 9).

Эту характеристику Д. не принял еще не высланный из России В. Ирецкий. «Как бесцветна и посредственна должна быть литература,— написал он,— если приходится на первое место выдвигать автора, подобно Дроздову, ни выдумкой, ни стилем, ни наблюдательностью молодой автор не отличается. Бледный, штампованный и по-газетному стремительный язык не свидетельствует даже о намерении выразиться как-нибудь поострее, чтобы проводимый образ не забылся мгновенно. По-видимому, его главное достоинство для заграницы — это его темы. Они посвящены новой, революционной России, и в этой смелой роли „бытописателя революции“ он и стяжает зарубежные лавры» (Северное утро. Сб. 1. Пг., 1922).

Находясь у истоков создания в Берлине ж. «Русская книга», Д. с первого номера стал одним из ведущих его сотрудников, заполняя страницы изд. своими рецензиями. В 1921 он опубликовал здесь свое мнение о произведениях И. Северянина, А. Рубакина, С. Чукалова, С. Подъячева, М. Борецкой, О. Белкиной, А. Белого, А. Н. Толстого, Ф. Сологуба, Дон Аминадо; о «Ямбах» А. Блока и «14 декабря» Д. Мережковского, о мн. книгах А. Ремизова и о вышедшем в Крыму в 1920 альм. «Ковчег» — «Здесь Блок, Марина Цветаева, неизменно искусный и неизменно мастерский Максимилиан Волошин, неутомимая С. Парнок, глубокий И. Эренбург» (Русская книга. 1921. № 6). Таким положение Д. в журнале было до появления там И. Эренбурга, который, приехав в Берлин и получив там впервые в жизни трибуну для изложения своих лит.-эстетических установок, решительным образом изменил облик журнала. С 1922 ж. стал называться «Новая русская книга», из информационного вестника он превратился в пропагандиста новых явлений в худож. жизни России, не противореча, впрочем, заложенным Д. программным положениям журнала — консолидации русской лит.-ры безотносительно к географическим, политическим и худож. различиям писателей.

Потеряв ведущее место в «Новой русской книге», Д. и в 1922 продолжал сотрудничество с журналом, хотя и не так интенсивно. За год было опубликовано четыре отзыва Д. на книги Ф. Иванова, А. Н. Толстого, А. Ремизова и Вс. Иванова, в то время как Эренбург разобрал на страницах журнала за тот же год 12 изд. Зато книги Д. продолжали выходить так же регулярно, как и раньше. Был опубликован его роман «Девственница», сб. «Езуитушка», «Человек с чемоданом»,

рассказы для детей «Мой дед», несколько публикаций в коллективных сборниках, в т. ч. и шутивная «петербургская песня» «Маруся утопилась» («Расскажу про утехи Маруси...») в «Антологии сатиры и юмора».

В 1922 Д. вместе с А. Н. Толстым собирался возвращаться в Россию; неожиданно для окружающих 16 дек. 1922 он напечатал в газ. «Накануне» фельетон «Дар слез», содержащий резкие нападки на эмиграцию. Вскоре Д. объявил о своем намерении вернуться на родину.

Отношение эмигрантской критики к Д. резко изменилось. З. Гиппиус назвала его бесхребетным писателем, ее поддержал Р. Гуль, а А. Яценко, еще чуть больше года назад считавший Д. одним из лучших писателей, в конце 1922 в статье «Литература за пять истекших лет» написал: «А. Дроздов — писатель „эмиграции“, возненавидевший ее, выпустил в Берлине ряд книг — „Подарок Богу“, „Девственница“ и др., с художественным дарованием, но, вследствие своей чрезмерной склонности к патетичности и риторике,— линия Леонида Андреева,— часто неприятных, очень неточен в художественных деталях, торопливый и сплошь и рядом однообразный» (Новая русская книга. 1922. № 11/12).

После этого Д. прожил в Берлине еще целый год. За это время, помимо публикаций Д. в альм. и периодической печати, вышел его роман «Антонов огонь». В 1924, уже после отъезда Д. в Москву,— роман «На второй день».

В дек. 1923 Д. приехал в Москву. Его дальнейшая судьба была много удачней участи большинства репатриантов. Он много писал, первоначально на темы, привезенные из-за границы. Д. рассказывал читателям о революционном движении в странах Запада и Востока в повестях «Внук коммунара» (1926), «Сын палача», «Неуловимый» (1927). В 1928 вышел роман Д. о русских эмигрантах во Франции и Германии «Лохмотья», в 1935 — повесть о гражданской войне «Анджиевский». В 1928 Д. написал роман о проститутках времен нэпа «Маруся золотые очи», который был издан в Москве и почти тотчас же появился вместе с несколькими рассказами за границей. Роман вышел в Риге со вступ. статьей Ю. Айхенвальда: «Вся книга — успех и удача. Живая написала ее, уверенная рука; легко и приятно ее читать, гибко движется ее диалог, индивидуализированы, оттенками богаты реплики его участников, выпуклы ее фигуры, и теплится в ней, в ее неизбежном, словесном сосуде огонек художе-

ственности и человечности». Это была последняя книга Д., изданная по-русски за рубежом.

Д. написал книги о коллективизации на Северном Кавказе «**Кохейла IV**» (1931), о рабочих — «**Зима на Тихоне**». Но все лучшее, что мог написать Д., он создал уже в 1920-х, и новые его произведения большого успеха не имели. Сб. Д. «**Пять повестей**» (1936), роман «**Предрассветный сон**» о предвещии революции 1905, повесть «**Зеленый сад**» (1944) ничего нового читателям не несли. В дальнейшем выходили в основном переиздания прежних произведений Д. — сб. «**Ночь позади**» (1961), «**Таврические дни**» (1962) и др.

Как и в молодые годы, Д. много сил отдавал редакторской деятельности. Он заведовал отделами худож. прозы в ж. «Молодая гвардия», «Новый мир», в конце 1950-х перешел в ред. ж. «Октябрь». В послевоенные годы Д. много переводил с грузинского, киргизского и др. яз. народов СССР.

Соч.: По первопутку. М., 1964.

Лит.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. А. М. Дроздов // Русский Берлин. Paris, 1983; Лидин В. Александр Дроздов // Лидин В. СС: в 3 т. М., 1974. Т. 3; Струве Г. Русская лит-ра в изгнании. 2-е изд. Paris, 1984. С. 176–179.

В. В. Попов

ДРОННИКОВ Виктор Петрович [18.8.1940, д. Жилино Орловского р-на Орловской обл.] — поэт.

В. П. Дронников

Отец Д. погиб на фронте, его образ часто появляется в стихотворных произведениях («Отец, отец, / Ты где-то там, на Оudere...», «Не вернулся отец в сорок пятом...»). В 16 лет Д. пошел работать. В 1958 окончил вечернюю школу рабочей молодежи. Будучи студентом Лит. ин-та им. М. Горького, являлся делегатом V Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве и делегатом республиканских съездов писателей. Выпустил 2 книги стих.: «**Колыбель**» (1966) и «**Зеленый купол**» (1969). Отзываясь о творчестве А. Шилыева и Д., в статье «Тяга земли» В. Цыбин заключал: «Молодых поэтов роднит тяга ко всему ясному, земному, а во главе всей работы своей ставят они тему земли, тему России» (Складень. С. 282). В 1970, представив в качестве дипломной работы рукопись книги «**Мгновения**», Д. с отличием окончил Лит. ин-т.

В 1972 в изд-ве «Современник» вышел сб. стих. Д. «**Земля-кормилица**». В предисл. Е. Исаев, вспоминая о встречах с молодым поэтом на творческом семинаре в Орле и в Лит. ин-те, писал о его «кистинном даровании — даровании несуетном и чутком». Отзываясь на книгу, В. Костров подчеркивал: «Невыдуманность ситуаций, ненарочность слога и слова помогают нам понять и принять мысль и душевное состояние человека, озабоченного судьбами мира и Родины, грустящего откровенно и естественно» (Складень. С. 278). В первой «столичной» книге Д. заложены те мотивы и худож. особенности, которые с полной раскрываются в зрелом творчестве. Прошедшая война и трудное послевоенное детство («**Безотцовщина горькая, дерзкая...**»), первая любовь («**Река была до дрожи синей...**»), молодой трудовой азарт («**Мы кололи дрова вот так...**»), размышления о творчестве («Подобно птицелову, / Раскидывая сеть, / Ловлю ее по слову, / Земли родную речь») — все в ранней поэзии Д. соотнесено или пронизано пейзажем среднерусской полосы; для лирического героя главным является «...родство / Со всем, что отзывается в природе». Традиционные пейзажные образы, сохраняя пластичность и сочность, обретают яркую метафоричность: «Останься, щеглиный, сухой и хрустальный, / Морозцем прихваченный звук» или «Скачут, скачут. / Кони, кони. / Трется месяц о столбы. / От какой еще погони? / От какой еще судьбы?» Память поэта, охватывая историю рода (судьбы отца, матери, деда...) и страны («Россия — горькая рябина, / Ты вечно в бурях и огнях...»), прикасаясь к культуре родного края (тургеневский дуб в Спасском-Лутови-